

Н. Б. Кошкарева, Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Новосибирск 2007. 387 с.

12 ноября 2007 г. на заседании диссертационного совета Д 003.040.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте филологии Сибирского отделения РАН состоялась защита работы Натальи Борисовны Кошкаревой на тему «Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири». Официальными оппонентами выступили доктора филологических наук профессора Е. К. Скрибник и В. В. Быконя, доктор филологических наук Б. В. Болдырев.

Работа посвящена актуальной задаче современной лингвистики — поискам подходов к сопоставлению синтаксических структур в языках разных систем. Поставленная задача решается не только на структурном, но и на функционально-семантическом и коммуникативном уровнях, что соответствует общему направлению языкознания новейшего времени, целью которого является уже не просто ответ на вопрос, как устроен тот или иной язык (хотя для многих языков коренных народов Сибири и эта задача продолжает оставаться актуальной), но и попытка мотивировать особенности его функционирования. Н. Б. Кошкарева обнаруживает специфику внешне совпадающих синтаксических структур разных языков в особенностях их типовой семантики и возможностях развития переносных значений из физической сферы путем метафорического переноса в социальную, интеллектуальную, эмоциональную сферы. Это определяет внутреннюю мотивацию функционирования типовых синтаксических структур, обусловленную морфологическими возможностями каждого конкретного языка. Внешние причины предопределяются сферой употребления языка (устная речь, фольклор, публицистика), а также ареальными контактами граничащих между собой языков и воздействием на

них русского языка как языка межнационального общения.

Во введении (с. 3—70) обосновывается выбор в качестве объекта исследования двух языков Сибири — хантыйского (финно-угорского) и ненецкого (самодийского), территориально граничащих между собой. Диалекты этих языков благодаря взаимодействию с разными окружающими языками приобретают специфические черты, отличающие их друг от друга настолько, что некоторые авторы называют их самостоятельными языками. Для исследования выбраны по два диалекта каждого языка, что обусловлено принадлежностью их к разным диалектным массивам, а также тем, что казымский диалект хантыйского языка и тундровый диалект ненецкого до сих пор остаются практически не изученными. Это позволяет сочетать в исследовании достижения предшественников (например, исследование синтаксиса в работе Н. М. Терешенко «Синтаксис самодийских языков», 1973) и собственные полевые материалы, полученные в многочисленных экспедициях в места проживания разных групп хантов и ненцев.

Значительное место во введении отводится обоснованию теоретических и методологических основ исследования. Излагаются воззрения автора на природу простого и сложного предложений, способы их представления в виде метаязыковых знаков. Такой подход целесообразен, так как традиции новосибирской синтаксической школы во многом новаторские и не общеизвестны. Объяснение метаязыка исследования облегчает дальнейшее восприятие материала.

В этой части работы вводится понятие типовых синтаксических структур (ТСС), которые «представляют собой устойчивые синтаксические построения с прототипическими значениями, своего рода «синтаксические примитивы» — базовые простейшие конструкции». Они служат основой для противопоставления син-

таксического строя исследуемых языков, но, обладая сходной формой, различаются кругом передаваемых отношений.

Далее определяются цель и задачи исследования, его актуальность и новизна. В своей совокупности задачи исследования ориентированы на описание ядра системы моделей простых предложений и полипредикативных конструкций. Результаты работы были представлены на многочисленных конференциях, в том числе международных. Фактический материал собран в 16 экспедициях. Для создания фактографической базы привлекались и публикации художественных, фольклорных и публицистических текстов на хантыйском и ненецком языках, что обеспечило верифицируемость анализируемого материала.

Кроме традиционных рубрик, во введении представлены разделы, посвященные социолингвистической ситуации у хантов и ненцев, а также ареальным контактам и процессам взаимного влияния исследуемых языков и диалектов. Композиционно наличие этих разделов во введении делает его неоправданно громоздким. Вероятно, можно было бы найти иное решение, например, выделить самостоятельную главу, в которой, кроме социолингвистической и ареальной проблематики, были бы описаны и собственно грамматические особенности хантыйского и ненецкого языков.

Первая глава (с. 71—237) содержит описание структуры и семантики элементарных предложений в анализируемых языках Сибири. Здесь следует оговорить употребление термина «уральские» применительно к данным языкам, так как речь идет о макросемье языков, в работе этот термин не совсем оправдан. Первый параграф посвящен анализу современных синтаксических концепций, послуживших отправной точкой для формирования авторской позиции на предмет моделирования структуры и семантики простого предложения как единицы языка. Концептуальные положения были разработаны и сформулированы несколько десятилетий назад в трудах основоположников новосибирской лингвистической школы и прежде всего профессора М. И. Черемиси-

ной. Они получили творческое развитие в рамках данной лингвистической школы, в том числе и в рецензируемом труде. Его отличает особое внимание к содержательной стороне языкового знака, учет типовой семантики синтаксических структур, рассмотрение простого и полипредикативного предложения как элементарной и полипропозитивной реализации одних и тех же типовых синтаксических структур, что вносит в решение рассматриваемых проблем инновационный элемент.

Во втором параграфе дана последовательная характеристика семантики типовых синтаксических структур, показано развитие их исходного значения. Как прототипическое оно реализуется в физической сфере, далее имеет место перенос в другие сферы, такие как социальная, психическая, интеллектуальная, что порождает ряд метафорических вариантов прототипической типовой синтаксической структуры. В работе подробно описываются возможности заполнения каждой позиции, которые составляют лексико-семантические группы именных и глагольных предикатов, учтено выражение актантных и сирконстантных позиций предметными или событийными именами. В связи с обращением к психической и ментальной сферам хотелось бы получить уточнение в их различии на примерах (с. 131, 133). В русских эквивалентах хантыйское предложение звучит 'Я взглянул на небо' (Dat.) и эвенкийское — 'Я посмотрел на него' (Lat.). В первом случае отмечается движение в психической сфере, во втором — в ментальной. Что составляет в названных языках специфику выражения данного движения, затрагивающее разные сферы?

В первой главе наиболее последовательно выдержано сопоставление типовых синтаксических структур двух исследуемых языков, с одной стороны, между собой, а с другой, с тунгусо-маньчжурскими языками, причем не с отдельными диалектами того или иного языка, а именно с языками (нанайским, эвенкийским), что представляется не совсем логичным. Такого рода сопоставления делают наглядными специ-

фические особенности каждого языка или его диалекта. Интересны наблюдения о расхождении функций дательного падежа как динамического в «уральских» языках и статического в тунгусо-маньчжурских. Во второй главе, к сожалению, сопоставление с тунгусо-маньчжурскими языками не проводится. Интересно было бы узнать, как отражается базовое противопоставление статики и динамики в семантике дательного падежа при формировании полипредикативных конструкций тунгусо-маньчжурских языков, в которых инфинитивные формы принимают этот показатель.

В разделе, посвященном типовой синтаксической структуре акциональной семантики, приводится коммуникативная парадигма, базирующаяся на морфологических категориях сказуемого: его способности принимать форму разных спряжений (объектного и субъектного), а также (в хантыйском языке) страдательного залога. Проблема выбора типа спряжения в уральских языках все еще не получила адекватного решения, хотя ей и посвящено немало работ. Попытки найти чисто морфологические причины выбора субъектного или объектного спряжения не находят убедительных оснований. В этом свете предложенный Н. Б. Кошкаревой вариант интерпретации механизма варьирования формы глагола, основанный на прагматических функциях высказывания, выглядит достоверным. Во всяком случае, обращение к структуре текста и к выявлению коммуникативных намерений его создателя открывает новые перспективы в интерпретации варьирования морфологических категорий, которые наблюдаются не только в сфере глагола, но и имени. Речь идет о варьировании форм именительного и винительного падежей прямого дополнения, а также о других разновидностях падежного варьирования. Эту гипотезу интересно было бы проверить на материале других финно-угорских и самодийских языков Сибири, например, селькупского.

В целом обращает на себя внимание значительная роль морфологических категорий для выражения прагматических смыслов, которые в других языках

передаются лексически или синтаксически. Данное положение подтверждает гипотезу профессора Е. И. Убрятовой, высказанную применительно к якутскому языку. Она распространяется на другие языки агглютинативного строя и заключается в том, что все синтаксические отношения получают свое грамматическое выражение. К этому вопросу автор возвращается во второй главе и на примере полипредикативных конструкций показывает их соответствие типовым синтаксическим структурам, по которым строятся элементарные простые предложения. Одну из позиций в них занимает имя событийной семантики, выраженное инфинитивной формой глагола, которая является результатом номинализации. Таким образом, простое и сложное предложения характеризуются изоморфизмом своего построения. Речь идет о том, что отношения между предметами и между событиями передаются в этих языках одними и теми же морфологическими способами. В этом состоит коренное отличие исследуемых языков от языков индоевропейского типа, в которых отношения между событиями выражаются преимущественно при помощи аналитических конструкций.

Во второй главе (с. 244—345) рассматриваются особенности строения полипредикативных конструкций в анализируемых языках. Автор следует традициям новосибирской синтаксической школы в области полипредикации, изложенным профессором Е. И. Убрятовой, но применяет и новые подходы к описанию полипредикативного синтаксиса. Преемственность наиболее ярко проявляется в введении понятия «типичная синтаксическая структура», которая полностью соответствует постулату Е. И. Убрятовой об изоморфизме простого и сложного предложений, так как обе эти разновидности предложения суть реализации одних и тех же типовых синтаксических структур. Различие проявляется в том, что в рецензируемом исследовании речь идет именно о конструкциях, а не о синтаксических функциях морфологических форм. Конструкция предстает как самостоятельное образование, имеющее собственную се-

мантику. Это приводит автора к выводу о том, что конструкции являются средством грамматикализации определенных отношений (с. 243). В анализируемых диалектах хантыйского и ненецкого языков соответствие типа передаваемого отношения и способ его формального выражения отчетливо просматриваются в морфологических характеристиках зависимых сказуемых. Они проявляются в выборе инфинитивной формы, возможности ее изменения по падежам и лицам-числам, что в конечном итоге связано с особенностями выражения зависимых категорий темпоральности, модальности и персональности, которые носят относительный характер.

Из трех основных разновидностей полипредикативных конструкций — релятивных, модус-диктумных и диктум-диктумных — в работе подробно описываются две последние. Модус-диктумные конструкции, предназначенные для выражения отношения говорящего к высказываемому, рассматриваются на фоне прочих средств выражения модус-диктумных отношений, которые в данных языках богато представлены в сфере глагольной морфологии. Имеются в виду наклонения неочевидного, кажущегося действия, аудив и др. В работе показаны конструкции, специализирующиеся на выражении тех или иных модус-диктумных отношений. Как показывает фактический материал, ненецкий язык, для которого в большей степени характерна детализация модальных смыслов грамматическими средствами, и в области полипредикативных конструкций сохраняет ту же тенденцию. В нем различаются конструкции достоверного, сомнительного и недостоверного значения, тогда как в хантыйском языке подобной конкретизации не наблюдается.

В разделе, посвященном темпоральным конструкциям, описаны центральные типовые синтаксические структуры с инфинитивными формами глагола в дательном-направительном и местнотворительном падежах, сопоставлена их семантика, показана ареальная специфика в зоне взаимодействия хантыйского и ненецкого языков.

Несколько вопросов по второй главе. Имеются ли другие падежные формы, задействованные в системе предикативного склонения и не вошедшие в данное описание? Если да, какова их семантика? В чем различие семантики падежных форм в именном и предикативном склонениях? Насколько возможны другие способы выражения темпоральных отношений, т.е. использование послелогов, союзов и иных средств?

Вторую главу завершает раздел об изменениях, происшедших в системе полипредикативных конструкций и, что особенно важно, попытки автора объяснить причины инноваций. Однако неясно, чем объясняется использование материалов только одного из рассматриваемых диалектов — казымского? Почему не привлекаются аналогичные данные других диалектов хантыйского, а также ненецкого языков?

Н. Б. Кошкаревой разработан способ представления предложения в диалектах хантыйского и ненецкого языков как языкового знака в виде формул и структурных схем, которые отражают их абстрактный характер. Выработка «словаря» условных обозначений методологически важна, так как позволяет за множеством конкретных фраз увидеть общий «каркас», делающий предложения разных языков сопоставимыми.

Достоинством работы Н. Б. Кошкаревой является то, что все примеры прогlossированы: кроме литературного перевода, приводится перевод каждой словоформы. Это позволяет наглядно представить структуру предложения на незнакомом языке. В работе достаточно таблиц обобщающего характера.

Исследование Н. Б. Кошкаревой выполнено на высоком теоретическом уровне, полученные результаты актуальны, представляют собой оригинальное решение теоретических проблем общего синтаксиса и синтаксической семантики.

В. В. БЫКОНЯ (Томск)

Address:
Valentina Bykonja
Tomsk State Pedagogical University